

Коробочка и медведь

Коробочка и медведь

Полужина в харчевне, я иду на рынок к лотку с фруктами. Покупаю пару краснобоких мясистых персиков, золотистых упругих слив. Мою их под краном и укладываю в пластиковую коробку.

Беру еще одну бутылку настойки и направляюсь в порт. Это и есть мой распорядок, так у меня заведено годами. И я не желаю от него отступать.

Сидя в порту, я смотрю на качающиеся на волнах деревянные джонки, рыбацкие шхуны, безмолвные кальмароловки.

Мигающая на крыше одной из джонок красно-синяя лампочка освещает развешивающиеся над ней разноцветные флажки. Перед рубкой болтается бумажный китайский фонарь. Нос утыкан автомобильными покрышками, призванными сгладить жесткий удар. Слово щупальца, тянутся ко мне с джонок канаты, которыми они привязаны к берегу.

Я стряхиваю с ноги заползшую на нее по канату назойливую мокрицу и делаю глоток. Под скамейкой спуют крысы. Однажды я наступил на одну из них. Стоит ли говорить, что мой крик разрезал воздух куда громче ее писка.

Как-то раз я столкнулся у лотка с фруктами с девушкой в развевающемся на ветру белом платье. Она приветливо улыбнулась мне, а я ей в ответ. Через пару дней я снова повстречался с ней в том же месте. Поскольку мой маршрут – харчевня, рынок, порт – был неизменен, мы стали встречаться постоянно. Улыбались друг другу, здоровались.

Но однажды после порта я не пошел напрямую домой, а свернул переулком к харчевне. Я не собирался отужинать второй раз, просто решил дать кругаяля. Торопиться мне было некуда, хотелось разнообразия.

И тут я увидел на углу знакомую фигурку. Ее лицо освещал экран телефона, она стояла, прислонившись к стене, пяткой одной ноги чесала другую, голое колено торчало вперед, словно корабельный утлегарь.

Когда я проходил мимо, она улыбнулась и помахала мне. Я махнул в ответ и двинулся дальше. Обернувшись на шум мотоцикла, я увидел, как он притормозил рядом с ней. Я сразу же понял, что у нее за профессия.

С тех пор я специально изменил свой маршрут. Я давно понял, что мне чего-то не хватает. Я любил свой распорядок и не чувствовал одиночества. Но после настойки хотелось общения. Настойка наполняла голову ворохом мыслей, язык морем слов, а сердце ветром эмоций. И всем этим хотелось поделиться.

Каждую ночь я шел мимо нее, чтобы остановиться и поболтать. Нет, это нельзя было назвать болтовней. Пара-тройка реплик, не больше. Она уделяла мне две-три минуты, в редкие дни превращавшиеся в пять-шесть.

Моей задачей было скрасить ее скуку, но в то же время не отпугнуть могущего нарисоваться в любой момент клиента. Как правило пешего. Но иногда выруливающего из-за угла на мотоцикле. Тогда я должен был спешно ретироваться. Чтобы снова возникнуть на следующий день.

Это тянулось месяцами, даже годами, так что постепенно я знал о ее жизни все. Или почти все. Перезнакомился и с ее товарками, стоявшими на соседних точках. Но я так и не узнал ее имени, и мне не приходило в голову спросить его. Про себя я называл ее Коробочка – ибо в нее складывали свою прыть ее еженощные клиенты.

Коробочка была молода, но успела родить троих детей. Все они остались на ее родине с мужем. Она скучала по ним, но муж не позволял с ними свидеться. В Китае принято, что дети после развода остаются с отцами. А матери уезжают на заработки, в погоне за лучшей долей.

Ее родным племенем был тайский народ буи. Буи, яо, шан, дай, чжуан. Все эти девушки были из малых народов, населяющих бедные провинции.

Девушка народа дао

Девушка народа шан

Девушка народа дай

Девушка народа чжуан

Они учили меня счету и простым фразам на своих языках, типа «Я тебя люблю». Мои неуклюжие попытки их повторить неизменно вызывали приступ очаровательного смеха.

Девушки целкали семечки или грызли орешки, беспечно осыпая шелухой тротуар, словно сея в землю зерна своего кажущегося счастливым будущего.

Когда появлялся клиент, Коробочка через рыночную площадь вела его к дому.

Я знал, что за квартиры в этих пятиэтажках. Сам жил в такой в свой первый приезд в Китай. Одна комната, большую часть которой занимает кровать. Даже нет кухни, но на столике у стенки могут примоститься электроплитка и рисоварка. За складной пластиковой дверью отсек с дыркой в полу – туалетом и шлангом душа. Вот и все.

Клиент, как правило, стеснялся сам себя. Он плелся позади нее, через десяток шагов, и делал вид, что смотрит в телефон. Ему не хотелось, чтобы их видели вместе. Еще бы – городок небольшой, здесь все друг друга знают. Но стороннему наблюдателю его игра была прозрачна, как банка с водой.

Не только я с пониманием глядел им вслед. Безмолвно вперед им в спины взгляд, со своих кожаных сидений так же надзирали всадники на посту – таксисты-мотоциклисты – и ухмылялись.

Оборачивались и продавцы фруктов, не отрываясь от пленки, которой перед закрытием лавки закутывали свои лотки.

Двадцать минут стоили двести юаней. Стандартная такса. Но так долго никогда не затягивалось. Через пять-десять минут железная дверь подъезда отворялась и оттуда, воровато озираясь, снова появлялся клиент.

Я представлял, что происходило внутри. Никаких тебе ласк или лишних игр. Все очень консервативно или, если так можно выразиться, целомудренно.

Она стягивала с себя нижнее белье, не удосуживаясь избавиться от верхней одежды. Раздвигала ноги.

Он старательно колыбался несколько минут, постепенно все больше и больше покрываясь клейким потом.

Она подбадривала его ложными вздохами. Потом он делал испуганный рыбок и переводил дыхание.

«Эх», – пока он сползал с нее, притворно шептала она, как бы жалея, что все закончилось. И выдавала ему салфетку. Обтершись, он скидывал ей цифровые две сотни в вичет. Пока он одевался, она подмывалась над дыркой-туалетом.

Осторожно притворяла за ним дверь, стараясь не хлопнуть, чтобы не привлечь внимание соседей. Причесывалась, выкуривала сигарету и снова шла на точку.

Иногда, поднакопив денег, Коробочка пропадала на пару-тройку недель. Один раз отправилась в Гуанчжоу – делала себе двойные веки, как у европейцев, здесь это модно.

Другой раз ездила в Хунань сдавать на права.

Но чаще всего, влюбляясь, уезжала к очередному «жениху». Все тешила себя надеждой найти нового парня. Но надежды ее разбивались с тем же постоянством, что волны бились о берег в порту, и она всякий раз возвращалась на точку.

Я частенько подумывал – а что, если наши отношения разовьются? Мнил себя эдаким лейтенантом Шмидтом, как известно, женившись на профессиональной проститутке. Но, конечно, это были лишь полупрозрачные мысли, навязанные настойкой. К утру они рассеивались вместе с ее действием.

Мы стали настоящими друзьями. После Большого Друга Коробочка оказалась единственной, с кем сложилось мое общение. К тому времени разладились отношения в семье. Только ей я мог излить душу. Казалось, она искренне радуется, когда я появлялся на точке. И даже этого ждет.

Но вот на днях Коробочка сообщила, что наконец-то взаправду выходит замуж. И уезжает к себе на родину. Жаль только, ее любимый плюшевый медведь, с которым она спит в обнимку, не влезает в чемодан

- Давай я его заберу, - предложил я. - Пусть живет у меня. Посажу у себя в прихожей. Буду смотреть на него и вспоминать о тебе.

2-й этаж

Ок

- У него ухо прохудилось, надо заштопать. Давай зайдём, - предложила Коробочка.

Мы поднялись на второй этаж. Интерьер оказался ровно таким, как я себе представлял. Голые стены, кровать в полкомнаты. Коробочка уселась на кровать и принялась штопать медведя. Потом всучила мне его. Мы распрощались, и я спустился вниз.

Поймал мотоцикл-такси. С трудом взгромоздился на него вместе с медведем.

Когда подъехали к дому, водитель спросил:
- Ты что, водку пил?

- Я-то пил, а вот медведь нет, - зачем-то принялся
объяснять я, - он вообще не пьет.

Водитель с недоумением покосился на
меня и укатил прочь.

Я обнял медведя и пошел к лифту.

Конец